

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ БЕСЛАНА

Author: [Valery Dzutsev](#)

Редактор IWPR по Северному Кавказу о трагических событиях в Северной Осетии.

Все изменилось в Северной Осетии после Беслана, и уже невозможно вернуться в то состояние, в котором мы были до 1 сентября. Кажется, что представление о могущественном российском государстве, защищающем нас от всяких опасностей, пропало, сокрушенное кошмаром Бесланской школы №1. А жизнь и смерть будто стали подчиняться теперь новым, доселе неслыханным законам.

Первое, что меня удивило по приезде в Беслан 1 сентября, это отсутствие какого-либо усиления милицейских постов в городе. За пределами территории вокруг школы жизнь, на первый взгляд, вообще была мало затронута захватом детей. Гражданские так близко находились от школы, что если бы вооруженные люди, находившиеся внутри, неожиданно напали на них, жертв едва ли было бы меньше, чем оказалось впоследствии.

У меня все время было чувство нереальности происходящего там, у школы, и я все еще не уверен, покинуло ли оно меня вообще. Часто казалось, что это спектакль, и вот-вот должен был выйти режиссер и сказать: «Молодцы! Вы все сыграли отлично, теперь можете идти по домам!» Но у школы лежало мертвое тело, и была настоящая стрельба, так что в следующий момент это казалось уже реальным. Слишком реальным.

Некоторые родители просто не могли поверить, что с их детьми может что-то случиться. Многие из них упоминали войну в Чечне, Масхадова, который, как они надеялись, мог бы освободить их детей тут же. Они проклинали политиков - Александра Дзасохова в Северной Осетии, Мурата Зязикова в Ингушетии и самого Путина. Власти, кажется, не особенно заботились о людях, в то время как они так ждали хоть какую-нибудь информацию.

Гнев был самым распространенным чувством. Я обнаружил его и в себе. Когда толстый осетинский милиционер с видом скучающего человека отвечал одному из родителей, который просил новостей: «Что, только у тебя там дети?», я удивился, что родитель не дал ему пощечины, потому что я сам очень хотел это сделать. Я сказал себе: «Нет, нельзя, я журналист, я не сделаю свою работу и к тому же это никому не поможет» - и попытался успокоиться. Но в другой раз, когда представитель власти протестовал против того, чтобы снимали его перебранку с одним из родителей, я уже не выдержал и сказал ему, что он не может запрещать или жаловаться на съемку.

Я чувствовал себя нормально в роли журналиста, но мне часто хотелось сделать что-то большее. Два сына моего родственника также были в школе, я ему так и не сказал, что я журналист, почему-то мне казалось, что это поставило бы мою искренность под сомнение. Но я не мог сдержать слез все время, пока я был там. Теперь я вспоминаю со стыдом, что слишком мало звал Господа прийти на помощь заложникам и нам всем.

Одного из сыновей моего родственника вскоре после катастрофы, 3 сентября, нашли тяжело раненным, другого, вернее, то, что от него осталось, нашли только через неделю в морге и похоронили.

Ужасный конец долгого ожидания начался 3 сентября с двух мощных взрывов. Сразу после этого родственники снаружи поняли, что дело плохо. Плач и стон, которые я слышал тогда, трудно с чем-то сравнить, в них была какая-то запредельная, невыносимая безнадежность.

Вскоре заложники стали прибывать в безопасную зону, там, где были мы. Я ожидал большой наплыв, но было только несколько небольших групп. Явно не тысяча человек.

Частные машины в невообразимой спешке, чуть не давя людей вокруг, увозили бывших заложников. Позднее пошли ужасающе разговору о том, что часть этих машин на самом деле принадлежала сообщникам тех, кто взял заложников, и что они увозили своих товарищей наряду с заложниками, и что некоторые заложники были позднее найдены убитыми в близлежащих селах. И ведь я был там, рядом в это время! Милиция опровергает эти слухи, но кто после всего случившегося еще может верить ей?

Было странное чувство, что каждый тогда занимался какими-то своими, одному только ему нужными делами, и властям никакого дела до людей не было. Там стреляли, освобождали заложников, в общем, делали все, что считали нужным, но никто, кажется, никем не руководил.

Единственная вещь, с которой власти, возможно, хорошо справлялись - это воспроизведение лжи. Вначале было сказано, что в заложниках оказались 120 человек, потом цифра выросла до 354 - очевидно такая точная цифра была дана для того, чтобы она выглядела более правдоподобно. Но в Беслане все знали, что в школе более 1000 человек - как и оказалось впоследствии. Одна из бывших заложниц передает слова захватчика, который услышал новости по телевизору, а потом разгневанно сказал им: «Хорошо, мы оставим 354, а остальных сейчас расстреляем!»

Москва практически самоустранилась от кризиса. Ни один высокопоставленный представитель не приехал в Беслан до того момента, пока не наступила развязка. Требования боевиков не были преданы широкой огласке. По всей видимости, местные власти строго следовали инструкциям Москвы на этот счет. Кажется, что Дзасохов играл по правилам, предписанными ему Кремлем, но проиграл. Если бы только при этом на кон не были поставлены жизни невинных людей!

В случае, если бы Путин был в Беслане и не смог найти решение кризиса, он столкнулся бы, возможно, с самым требовательным собеседником в виде разгневанных и отчаявшихся родителей. Мое впечатление было таково, что абстрактные государственные принципы и, что еще более отталкивающе, репутация президента России как жесткого руководителя оказались важнее человеческих жизней.

В Беслане было заметно, как люди начинают проявлять способность к самоорганизации, когда государство просто перестает удовлетворять их самые основные потребности, включая право на жизнь. А когда государство лжет все время, то общество начинает относиться к нему как к чему-то чуждому. Конечно, люди все еще стремятся к стабильности и хотят, чтобы государство им его дало, но они уже не уверены, что оно может с этой задачей справиться.

Сейчас в Осетии самым главным является не столько вопрос о том, кто именно убил детей, а скорее массово распространенное представление о том, что это была группа ингушей с участием чеченцев. Распространяются слухи и ужасы. Многие, например, верят, что женщин и детей в школе насильствовали. Также многие думают, что некоторая часть боевиков сбежала и забрала какую-то часть заложников с собой, и они сейчас где-то в Ингушетии, Чечне или еще где-то. Полагают, что именно там следует искать большое количество пропавших без вести заложников. Эти слухи и предположения питают надеждами тех отчаявшихся людей, которые еще не нашли своих родных. Но в то же время других людей они наполняют жаждой мщения.

Кто-то сказал, что изобретение атомной бомбы сделало мировые войны бессмысленными. У меня схожее чувство по поводу этого захвата заложников. Такое убийство, мне кажется, лишает смысла все возможные причины: независимость, государственность, суверенитет, достоинство и даже месть

«Какой должен быть ответ?» - это, наверное, самый большой вопрос для общества в Осетии сегодня. Мстить людям, которые совершенно непричастны к этому, не только несправедливо, но и неминуемо ведет к войне и еще большему кровопролитию. Но все же что-то нужно делать, и оставить вещи как они есть просто невозможно.

Конструктивный ответ, возможно, мог бы быть дан в виде внутренних реформ. Есть много вещей, которые можно было бы осуществить внутри Осетии, где коррупция и упадок нравов вполне очевидны. Но кто возьмется за это? Корруптированное государство только что показало свою неспособность. Интеллигенция, как правило, занимается обслуживанием того же государства, гражданские организации практически отсутствуют. Да и возможно ли вообще этот гнев превратить во что-то положительное и конструктивное.

Пока, как ни печально, трагедия только позволила политикам решать свои проблемы. Президент Дзасохов отправил в отставку правительство, об отставке которого слухи и так уже давно ходили. Президент Путин, кажется, уже лишил россиян избирательных прав.

В данное время ни у кого нет готовых ответов на вопросы. Заложник, которому благополучно удалось выбраться с одним из двух своих маленьких мальчиков, сказал мне: «Смотрю я на своего мальчика и понимаю, он никогда уже не будет таким, каким он был до захвата школы». Я думаю, мы все уже никогда не будем такими, какими были до.

Валерий Дзугцев, координатор и редактор IWPR на Северном Кавказе, Владикавказ.

Location: Кавказ
Stavropol
South Ossetia
North Ossetia

Source URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5-%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B0>